

В ПЛЕНУ И ПОСЛЕ ПЛЕНА

РЯДОМ С РУССКИМИ

Многие лагеря для военнопленных состояли из блоков для британцев и американцев с одной стороны и блоков для оборванных и истощенных русских с другой. Военнопленным из союзных армий были очевидны презрение и страх, которые немцы испытывали по отношению к русским. Этим изможденным и обессиленным людям доставалась самая тяжелая и грязная работа, их избивали и даже убивали по малейшему поводу. Телеги с трупами раздетых догола русских, которые волокли за территорию лагеря к братским могилам, были привычной картиной...

Военнопленные-союзники бросали сигареты и консервные банки в русские сектора, хотя это нужно было делать скрытно, поскольку обычно немцы запрещали оказание подобной помощи. В лагере *Stalag III* в Вольфсберге, как рассказывал бывший военнопленный Ховард Гревилл (Howard Greville), британцы, австралийцы и новозеландцы решили не оказывать подобную помощь в индивидуальном порядке и согласились на том, что каждый из них должен добровольно пожертвовать что-то из одежды и одну-две консервные банки из своей еженедельной продуктовой посылки, распространяемой Красным Крестом, в общую корзину, которая будет передаваться старшим русских блоков для последующей раздачи. Никто не отказался от того, чтобы внести свой вклад, и с учетом того, что среди военнопленных союзников были люди самого разного этнического и социального происхождения, в этом было что-то особенное. В знак благодарности русские передавали своим благодетелям небольшие по размеру изделия из металла или поделки из дерева.

В лагере *Stalag IVB* в Мюльберге британцы зашвыривали консервные банки в русский сектор довольно беспорядочно. В благодарность за это русские предложили союзникам стоматологическую помощь. Во время посещения русской женщины-стоматолога капеллану Дугласу Томпсону (Douglas Thompson) вежливо предложили попросить британских военнопленных не бросать продукты через проволоку, а вместо этого приносить их завернутыми в полотенца во время визитов к стоматологу для того, чтобы их можно было распределить в организованном порядке. Пожертвования стали поступать по определенной системе: история лагеря гласит, что "британские военнопленные добровольно отдавали один предмет из своих посылок для облегчения участи военнопленных других национальностей, находящихся в госпитале. Раздаваемая немцами пища, которые оставалась несъеденной британцами, также передавалась [русским]".

Огромный масштаб проблемы помощи русским и понимание того, что эти дары имеют только символическое значение, психологически влияли на британцев и американцев. Капеллан Дэвид Уайлд (David Wild), который оказался в лагере Коперникус (Copernicus), где содержались тысячи голодающих русских, был ошеломлен: "Сотни из них были больны или искалечены и так плохо одеты, что могли бы вызвать жалость и сочувствие у любого, попадись они ему на глаза поодиночке. В лагере Коперникус было столько людей в подобном состоянии, что через какое-то время мы перестали замечать в этом что-то необычное".

Хотя и могло показаться, что русские нередко относились с подозрением к "капиталистам" из числа британцев и американцев, они тоже старались помочь, когда была такая возможность. Роджер Шинн (Roger Shinn) вспоминал, как он набрел на небольшой блок с русскими военнопленными, которые, будучи сносно накормленными,

предложили американцам соль. "Они отдали ее нам совершенно добровольно, - писал Шинн, - и дали нам еще немного продуктов, хотя, должно быть, и сами были почти такими же голодными, как и мы. Хотя мы не могли общаться за исключением использования тех немногих немецких слов, которые знали мы и они, их дружелюбие было исключительным. Мы автоматически достали наши сигареты, чтобы отдать их в обмен, но они ничего не хотели брать! Редко когда в моей жизни мне приходилось видеть такое дружелюбие".

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЕВРЕИ

Судьба евреев-военнопленных зависела от того, к какой армии они принадлежали. Если они были советскими военнопленными, то быстрая смерть была лучшим, на что они могли рассчитывать. Если они попадали в плен в рядах военнослужащих из состава армий стран, подписавших Женевскую конвенцию, они могли ожидать, что окажутся под защитой статей этой конвенции, хотя в ходе войны немцы становились все более агрессивными по отношению к евреям, выделяя их среди других и преследуя их. Евреи из рядов вооруженных сил Великобритании и США были защищены лучше других. Немцы явно сдерживались, опасаясь ответных акций по отношению к своим соотечественникам, находящимся в плену у союзников.

На раннем этапе нахождения в плену некоторые евреи выбрасывали свои идентификационные жетоны, в которых упоминалась религия военнослужащего. Те, кто этого не делал, иногда испытывали на себе довольно жестокое обращение, и во время сражения в Арденнах случалось, что эсэсовцы избивали и даже убивали пленных американцев, в которых узнавали евреев. Норман Рубенштейн (Norman Rubenstein) был захвачен в районе Calais (Кале) в 1940-м году: "Нам говорили, что нужно уничтожить идентификационные жетоны, что я и сделал. Тем не менее, я решил, что останусь Норманом Рубенштейном и зарегистрируюсь евреем, в каком бы лагере я не оказался. Черт с ними, подумал я. Я - британец и еврей, и так будет всегда".

У определенной группы евреев-военнопленных не оставалось возможности остаться неидентифицированной. Британцы призвали в армию большое количество палестинцев в инженерные роты, и хотя среди них попадались арабы, евреи были в большинстве. Палестинцы попали в плен в большом количестве во время греческой кампании (1941) и на Крите, и около 1500 евреев оказались в лагере *Stalag VIII B* в Ламсдорфе. Эти люди были недавними эмигрантами из Центральной Европы, большинство говорило по-немецки, и некоторым из них пришлось перенести не самое приятное возвращение в места, где прошла их юность. Рассчитывая на то, что статус британского военнопленного защитит их, они упорно боролись за свои права с охранниками, нацистскими чиновниками и рядовыми немцами, работающими в лагерях по найму. Своей драчливостью, при этом в опасной ситуации, они завоевали уважение у многих в Ламсдорфе.

Немцы предпринимали попытки лишить англо-американских евреев-военнопленных "привилегированного статуса", но совместные усилия правительств США и Великобритании, швейцарских организаций, Красного Креста, старших по команде среди военнопленных и просто рядовых солдат вполне успешно предотвратили это. Одним из ранних примеров антисемитских действий немцев по отношению к военнопленным палестинцам, предпринятых немцами, была безуспешная попытка офицеров-юристов 12-й Армии (которая захватила палестинцев) привлечь к ответственности евреев немецкого происхождения, которые "бежали от правосудия" и, поэтому, должны были лишиться статуса военнопленных.

Отношение к евреям со стороны охранников и других немцев сильно варьировало. Британский авиатор, еврей по национальности Cyril Rofe (Сайрил Роуф), был отправлен в госпиталь, переполненный ранеными немцами, и опасался того, как его примут. "Вскоре

они узнали, что я - еврей, - писал британец, - но для большинства из них это не имело какого-либо значения. Они говорили: "Он - такой же солдат, как и мы, и с ним мы должны обращаться как с одним из нас." Других евреев, напротив, оскорбляли, им угрожали охранники. В общем, подобное обращение встречалось довольно редко, хотя немцы отказывались сотрудничать со старшими по команде среди военнопленных, если узнавали, что перед ними еврей. К концу войны еврей-военнопленные начали испытывать более суровое обращение и даже проявления насилия в поведении охранников. Эти инциденты, тем не менее, чаще случались в более новых - обычно американских лагерях, в которых не было системы защиты военнопленных со стороны старших по званию, которая всегда имела место в устоявшихся лагерях.

Обычно старшие по команде в британских и американских секторах лагерей брали евреев под защиту. В Ламсдорфе офицер Сидней Шерифф (Sydney Sheriff) пресек попытку немцев оставить палестинских евреев без посылок из Красного Креста, пришедших из Великобритании. Он немедленно заявил, что если этот приказ будет выполнен, все британские военнопленные откажутся от посылок. Опасаясь, что подобный инцидент вызовет международный резонанс, немцы уступили, и палестинцы получили свои посылки. Шерифф также обеспечил то, что, несмотря на противодействие немцев, палестинец, умерший от пневмонии, был похоронен с полными военными почестями, как это имело место с другими военнопленными, и то, что на его могиле была водружена Звезда Давида.

Политика немцев, направленная на сегрегацию евреев-военнопленных, достигла успеха в некоторых лагерях, но попытка осуществить это в лагере *Stalag Luft VI* в Хайдекруге была пресечена другими военнопленными из рядов RAF:

Проводя утреннюю поверку, Рон Мога был поражен тем, что ему дали приказ построить евреев отдельно и выселить в отдельный барак. Естественно, он отказался выполнить приказ, за этим последовало обычное тевтонское возмущение. Мога уже собирался сказать немцам, чтобы они "отвязались", когда на место прибыл глубоко оскорбленный старший по команде Дикси Динз (Dixie Deans). На примитивном немецком он перекричал немцев и заявил, что приказ выполняться не будет. Он резко заметил, что все военнопленные находятся на службе у Короля, и одним из правил устава этой службы является то, что людей всех религиозных верований нужно уважать - даже тех, кто "молится пню"... Немцы уступили.

Также в лагере *Stalag Luft VI* старший среди американцев техник-сержант Фрэнк Полз (Frank Paules) не уступил попыткам отделить евреев-военнопленных. Он вспоминал: "... Охранники распространяли антисемитскую литературу по всем баракам. Они пытались отделить еврейских парней от других. Поэтому я послал группу людей, чтобы они собрали все это. Мы вытащили бумаги на середину лагеря. Сложили их в кучу, и на глазах у охранников я поджег все это. Все сгорело, и этому пришел конец".

В лагере *Stalag Luft III* усилия немцев по сегрегации евреев были довольно вялыми. Делмар Спайви (Delmar Spivey) вспоминал, что "в двух случаях нас пытались заставить передать в штаб имена евреев, но я официально заявил, что здесь нет евреев... что все наши парни являются американцами еврейского, английского, негритянского, немецкого и любого другого происхождения. Я приказал, чтобы подобных списков не было. Немцы больше не пытались добиться своего". Дэвид Вестхаймер (David Westheimer), еврей, запомнил пример открытого неповиновения со стороны еврея-военнопленного в Южном секторе, который создал баскетбольную и softballную команды под эгидой YMHA (Ассоциация Еврейской Молодежи). "Он развесил объявления на кухне. Мы не были уверены, что наши "хозяева" понимают, что стоит за этой аббревиатурой, но нам нравилась идея создания еврейской организации посреди нацистских владений".

Среди более крупных, существующих долгое время лагерей, *Stalag Luft I* был известен тем, что с февраля 1945 года евреи-военнопленные жили в отдельном бараке. В остальном с ними обращались так же, как и с другими заключенными... В этом же лагере находилась палатка для религиозных служб, проводимых заключенными различных конфессий, и в ней же с разрешения британского католического капеллана Майкла Чарлтона и ведома немцев молились военнопленные евреи. Приходило много людей, в том числе, по словам одного еврея-авиатора, и для того, чтобы досадить немцам...

Отношения между евреями и неевреями в лагерях для военнопленных были, в основном, нормальными, хотя и случались антисемитские проявления, например, серьезные трения между британцами и палестинцами. Сложно сказать, имели эти инциденты антисемитский характер или это было просто тоадиционное британское неприятие поведения людей с другими традициями. В крайне тяжелых условиях, с которыми военнопленные столкнулись в транзитном лагере в Салониках, случались ссоры из-за места в очереди или распределения каких-то материальных благ. В Ламсдорфе, как сообщал Айк Розмарин (Ike Rosmarin), южноафриканский еврей, имели место потасовки между евреями и неевреями, которые, как он полагал, были следствием антисемитской пропаганды нацистов. Группа унтер-офицеров из палестинского контингента была отправлена в лагерь *Stalag 383* в Хохенфельзе, в котором евреи начали заниматься торговлей. Как рассказывал Р. П. Эванс, "они начали покупать у немцев хлеб за сигареты и перепродавать его с выгодой для себя. Это не устраивало некоторые национальные группы военнопленных, и шотландцы создали своего рода банду для того, чтобы противостоять этому. Полагаю, что старшему по званию британцу пришлось вмешаться, чтобы предотвратить волнения. Впоследствии они [евреи] ограничились раздобыванием хлеба для других, но с получением комиссии..."

Многие лагеря для военнопленных были расположены в центральной и восточной Германии, и находившиеся в них люди ожидали, что будут освобождены наступающими частями Красной Армии. Вермахт, тем не менее, стремился сохранить пленных под своим контролем, и в начале 1945-го года лагеря начали эвакуировать на запад...

МУЖЧИНЫ С ЖЕНЩИНАМИ И БЕЗ НИХ

Только у военнопленных - рядовых солдат и унтер-офицеров работающих на различных производствах и фермах за пределами лагерей, была возможность контактов с женщинами. При этом сексуальные контакты с немками считались серьезным преступлением, за которые военнопленных отправляли в штрафные лагеря, где условия были на порядок хуже, чем в обычных лагерях. Не случайно, что среди военнопленных, оказавшихся в *Корпусе Свободных Британцев* в составе *Waffen SS*, было несколько человек, которые предпочли измену присяге перспективе очутиться в штрафном лагере.

Военнопленные, которые трудились вместе с местным населением, имели возможность заводить романтические и сексуальные отношения с женщинами, хотя такие отношения были небезопасными. Командование Вермахта выпустило серию директив, запрещающих военнопленным устанавливать сексуальные отношения с немками под угрозой длительного заключения в тюрьме или даже смертной казни, хотя неизвестно, чтобы когда-либо кто-то из англо-американцев был расстрелян за это. Немецких женщин тоже ждало наказание за такие связи. Хотя некоторые военнопленные относились серьезно к этим запретам, сексуальные контакты между ними и немками имели место. Значительно количество австрийских женщин поддавалось шарму, который был присущ военнопленным из Великобритании и ее доминионов. Отсутствие молодых мужчин на гражданской службе в странах оккупированной Европы предоставляло большие возможности аккуратно одетым военнопленным, располагавшим к тому же такими ценностями как мыло, шоколад и сигареты. Да и в Германии тогда находились миллионы женщин-работниц из других

стран, у которых часто не было идеологических или моральных барьеров для романтических отношений с военнопленными из союзных армий.

После перевода из Италии в Германию Джим Витте (Jim Witte) был направлен на работу в мастерскую по ремонту локомотивов сначала в Хемнитц (Chemnitz), а затем в Лейпциг, где он работал вместе с мужчинами и женщинами со всей Европы. "Для военнопленного, который провел два с половиной года, не видя женщин, все было наполнено свежими впечатлениями, - писал он. - На работе мы обожали Долли, которая работала на подъемном кране." Будучи немкой, Долли была, тем не менее, настолько очарована Витте, что стала заманивать его к себе в кабину крана для занятий сексом. Однажды Витте попытался использовать эту возможность, но, к своему разочарованию, не справился с задачей. Однако, это была только временная неудача, и позднее он закрутил роман с грудастой бельгийкой по имени Адриенн. Это роман закончился только тогда, когда черствый охранник заметил, что они проводят время вместе за пределами лагерного сектора. Это нарушение лагерных правил привело Витте к заключению на месяц в штрафной лагерь. Когда он вернулся, Адриенн и другие бельгийцы уже были переведены в другое место. "Меня это сильно не взволновало, - вспоминал Витте, - проскользнул я завел флирт с привлекательной русской девушкой по имени Вера, с которой у меня все было в порядке".

Джим Витте был всегда готов использовать любую возможность для лучшей жизни, которую мог себе позволить военнопленный. Он писал: "Мне было 25, я был зрелым парнем, неплохо накормленным, благодаря Красному Кресту имевшим доступ к белому хлебу (которого не видели рядовые немцы), который я запивал 100-процентным шнапсом..."

Для офицеров и унтер-офицеров, которые не имели возможности выходить за пределы лагеря с рабочими командами, был один выбор - между воздержанием и гомосексуализмом. Правда, результатом хронического недоедания был заметный спад в сексуальных аппетитах. Американец Джордж Дэвис (George Davis) был одним из многих военнопленных, которые описывали эту перемену, хотя и с элементом юмористического преувеличения: "Половой орган был вполне себе *kaput*. Эротические мысли, эрекция и поллюции становились компонентом прошлого. Десять нагих красавиц могли ворваться в комнату, полную военнопленных, и, если бы с ними не было закусок, они бы остались незамеченными".

Страх проявления гомосексуальности был обычным в лагерях. Для некоторых из мужчин, которые воздерживались на протяжении долгого периода времени, это была назойливая боязнь скатывания к гомосексуализму. Боб Прауз (Bob Prouse), находившийся в лагере *Stalag IX C* в городе Бад-Сулца (Bad Sulza) с исключительно мужским контингентом, так объяснял эти эмоции: "Некоторые из солдат уже не могли дожидаться свободы и прибегали к гомосексуализму. По счастью, их было мало, но беспокоило то, что в остальном это были отличные солдаты. Это приводило к мыслям о том, что и ты мог оказаться под воздействием всего этого, если война затянется до бесконечности".

Гомосексуализм рассматривался как преступление, и для большинства людей был отклонением от нормы. Вследствие этого он оставался предметом озабоченности для старших по команде и тех, кто отвечал за физическое и моральное благополучие военнопленных. Спайви беспокоился о том, что "гомосексуальные тенденции будут время от времени иметь место", и даже просил старших по блокам смотреть в оба. Он испытал чувство большого облегчения, когда узнал, что в центральном блоке не было обнаружено каких-то элементов этого явления. "Следует отдать должное американским офицерам, которые в плену всегда вели себя как мужчины и разумно относились ко всему, связанному с сексом". В замке Голдитц (Golditz), превращенном немцами в офицерскую тюрьму, капеллан Эллисон Платт (Ellison Platt) крайне резко относился к тем явлениям, в которых подозревал дурной элемент. "Гомосексуализм, - писал он, - занимал все большее место в шуточном фольклоре тюрьмы... Юмористические комментарии,

касающиеся мастурбации, также высказывались более свободно, чем среди нормально настроенных взрослых людей". Вообще, гомосексуальные отношения в лагерной среде разглядеть было очень трудно. В офицерских и других лагерях, где не велись какие-либо работы, гомосексуальные отношения, вероятно, встречались крайне редко, и во многих хрониках лагерной жизни утверждалось, что там вообще не было подобных случаев. Как писал Эрик Ньюби (Eric Newby), в лагере PG 49 в Фонтанелатто (Италия) скученность и отсутствие возможности уединиться гарантировало то, что "какие бы любовные отношения ни существовали между заключенными, их можно было бы выразить только взглядами и словами или тайным пожатием руки".

В более крупных лагерях для рядового состава имели место случаи открытого гомосексуального поведения. Многие военнопленные особенно не беспокоились по этому поводу, и, если некоторые были настроены критически, другие относились к этому терпимо. Бальные танцы и театральные представления стали центром проявления гомосексуальных интересов. Рядовой Джеффри Эллууд (Geoffrey Ellwood) - канадец, находившийся в лагере Stalag VIII B в Ламсдорфе, так описал гомосексуальное поведение на танцах:

Здесь вы ощутили бы появление странных чувств. Я имею в виду то, что это - особая ситуация, когда два парня танцуют друг с другом, поскольку танцевать больше не с кем. Когда они начинают танцевать, им это нравится, и их начинает притягивать друг к другу - это становится очевидным. Так было, но, кажется, никто не принимал это всерьез. Ребята видели это, обсуждали между собой, и на этом все кончалось. Просто принимали то, что некоторые люди так делают...

Общий уровень толерантного отношения к гомосексуальности в Ламсдорфе подтверждается южноафриканцем Айком Розмарином. "Тех, кто практиковал это, можно было разглядеть, поскольку они старались одеваться сходным образом, носить похожие прически и ходить рука об руку по лагерю".

По воспоминаниям Джима Витте (Jim Witte), гомосексуализм процветал в лагере PG 78 в Сульмоне (Sulmona, Италия), хотя и здесь сексуальные интересы определялись количеством еды, которая доставалась военнопленным. "Зимой, - писал он, - когда итальянские рационы были небольшими, а прибытие посылок из Красного Креста - редкостью, любовь оставалась на заднем плане. Но с наступлением лета Купидон вернулся на свое место". В Сульмоне военнопленные, которые играли женские роли в театре, становились предметом вождления:

Верные поклонники ждали на улице, когда их "девушки" появятся после представления. Они не могли пригласить их на ужин, вместо этого они приглашали "девушек" в укромные места своих блоков. Проблема была в том, что было крайне мало таких укромных мест для любовных приключений подобного рода. "Бойфренды" сильно ревновали, если ты слишком часто смотрел в сторону их подруг. Там был один капрал из Военной Полиции, который был безумно влюблен в одну из "девушек" по имени Джерри. Однажды они оба не появились на утренней поверке и были обнаружены в объятиях друг друга под одеялом в углу одного из блоков. Это сильно позабавило итальянцев, которые посадили их вместе в одиночную камеру на неделю. После этого их внимание друг к другу пропало...

Скученность и отсутствие возможности укрыться превратило в проблему даже мастурбацию. "Проделать это, лежа щека к щеке с двадцатью шестью парнями в комнате, которую время от времени освещал луч прожектора, - писал Эрик Ньюби, - требовало скрытности, которую большинство из нас потеряло со времени окончания школы. Тем не менее, некоторые из нас с энергией восстановили у себя это стародавнее умение". В Сульмоне были люди, "которые не были склонны особенно скрывать это, - писал Витте, -

и они завоевали презрительное отношение со стороны других ребят, которые награждали их довольно красноречивыми эпитетами".

Иногда военнопленные становились предметом провокаций со стороны женщин, находящихся по другую сторону колючей проволоки. Простейшим вариантом были вечерние прогулки девушек из городка Фонтанеллато, наслаждавшихся эффектом, который они производили на мужчин, уставившихся на них из окон барачных лагеря *PG 49*. В лагере *Stalag Luft III* была служба, занимающаяся цензурой писем, и некоторые представители ее женского контингента, начитывающего около 200 человек, преднамеренно прогуливались вдоль колючей проволоки, а в одном случае женщина вызывающе загорала на глазах у толпы уставившихся на нее военнопленных из Центрального сектора. Канадский летчик Кингсли Браун (Kingsley Brown) вспоминал одну секретаршу из лагерного офиса, "которая, зная, что ее видно через окно офиса, принимала довольно провокационные позы для наблюдающих за ней авиаторов. Эта офисная девица - яркое и счастливое воспоминание".

В лагере *Stalag IIB* провокации превратились в издевательство. Милт Фелсен (Milt Felsen) вспоминал, как немецкие солдаты с близлежащего склада "подводили женщин к ограде и совокуплялись с ними, весело хохоча". По словам Фелсена, реакция американцев в лучшем случае была безмолвной, в то время как многие высказывали сочувствие женщинам, которые лежали на булыжной мостовой. Немного по-другому сложились обстоятельства в лагере *Offlag VIIIB* в Айхштетте (Eichstatt), где жена одного из охранников, как вспоминал бывший военнопленный по имени Харвуд (Harwood) "становилась напротив окна барака и якобы демонстрировала свой немалого размера баварский бюст. Если ей показывали издали банку какао из посылок, поступивших через Красный Крест (с расстояния примерно в 50 ярдов), она на мгновение показывала одну грудь. Если ей показывали консервную банку с говядиной, она опускала свое платье до пояса. Вознаграждение доставлялось ей через скромного охранника, который, как я подозреваю, был ее мужем".

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Больные и истощенные военнопленные, которые могли не выдержать долгие марши, были оставлены в лагерях. Советские люди из наступавших частей предоставили ограниченную помощь раненым, но те, кто был в состоянии это делать, вынуждены были сами позаботиться о себе. Им рекомендовали отправиться в Одессу, и многие бывшие военнопленные пустились в путь, подсаживаясь на попутные машины и поезда - на восток, в сторону, противоположную линии фронта. Капеллан Дэвид Уайлд остался с больными в лагере Коперникус, который был освобожден советскими войсками в конце января 1945 года. Он и его люди пробыли в польском курортном городке Цехоцинек (Ciechocinek) два месяца, прежде чем неповоротливая советская бюрократия разрешила им отправиться в десятидневный путь в Одессу. В конце концов они сели на судно *Duchess of Richmond*, которое направлялось в Великобританию... Всего около 2500 бывших военнопленных из союзных армий покинули СССР через Одессу...

Освобождение из плена частями американской и британской армий было всегда радостным, тогда как в лагерях, освобожденных советскими войсками, ситуация была непростой. Озабоченность вызывали дружелюбное, но часто непредсказуемое и сопряженное с возлияниями поведение советских солдат и затянутость процесса отправки англо-американцев на запад.

Для примерно 8 000 авиаторов, освобожденных в лагере *Stalag Luft I* в городе Барт (Barth), полная свобода пришла с опозданием. К концу апреля они уже слышали грохот советских орудий. Немецкий комендант приказал старшему по команде полковнику

Хьюберту Земке (Hubert Zemke) подготовить людей к эвакуации, но он отказался покидать лагерь. Баланс сил сместился от охранников к заключенным - комендант пожал плечами, и в ночь на 29 апреля немцы тихо покинули лагерь. Однако, к разочарованию многих военнопленных со стажем, старшие офицеры приказали им оставаться в лагере. Через два дня прибыли русские: колючая проволока была сорвана, и бывшие узники хлынули в окрестности лагеря. Хотя Земке и его штаб пытались поддерживать элементарную воинскую дисциплину, некоторые из освобожденных людей уже не могли ждать, и, собрав как можно больше продуктов, тронулись на запад навстречу наступающим британцам. Остальные по-прежнему располагались в лагере и поблизости от него, пока шли переговоры с русскими о предоставлении разрешения на прибытие американских самолетов, которые должны будут забрать бывших военнопленных. Зная немецкий, и немного говоривший по-русски Джек Вьетор (Jack Vietor) имел возможность покинуть лагерь и был переводчиком для американцев. Значительную часть своего времени он провел на банкетах, которые организовывались русскими. Он так описал заключительную часть одной из пьянок: "Остаток вечера я провел в тумане, и задремал на коленях у жены советского генерала - симпатичной и дружелюбной дамы. Когда я проснулся примерно в 4 часа утра, генерал швырял бутылки в окно, а два полковника дрались в углу. Большая часть присутствовавших союзников спала. Мы ушли около 5 утра".

После задержек, которые продолжались около двух недель, и когда бывшие военнопленные уже начали томиться в нетерпении, им разрешили покинуть лагерь. Благодаря прекрасной американской организации весь лагерь был эвакуирован за 48 часов. Бомбардировщики B-17 приземлялись с интервалом в две минуты, затем самолеты один за другим подруливали к вышке, каждый загружал по тридцать человек и немедленно поднимался в воздух.

В лагере *Stalag IVB* капеллан Боб Макдауэлл (Bob McDowell) заметил падение дисциплины среди заключенных уже за несколько дней до прибытия советских частей 23 апреля. Когда русские сорвали колючую проволоку, началась оргия радости и разрушения, которую капеллан счел отвратительной:

Четыре казака прискакали в лагерь и въехали в русский сектор. Двое были с автоматами, двое с винтовками, все были на маленьких лошадках. Радость была дикой, особенно среди русских. Прибыл русский полковник и временно взял власть в свои руки. Он приказал русским отправиться в Цайтхайн (Zeithain) к 10.15. Русские немедленно вырвались за ограду и ринулись на картофельные поля. Французы, итальянцы и многие из наших ребят, люди всех национальностей тоже рванули туда и на близлежащие фермы. Это было отвратительно - полное беззаконие. Я видел итальянца, который вернулся со сделанным из одеяла мешком, полным картошки, которая сыпалась наружу, и француза, который тащил мешок, из которого сочилась кровь.

Хотя многие из этих людей годами голодали, это не поколебало твердые моральные принципы пресвитерианского капеллана. Но крушение дисциплины в лагере, вне всякого сомнения, было проблемой. Часто имело место бессмысленное разрушение, а быстро растущие кучи мусора представляли собой опасность для здоровья людей. Хотя Красная Армия взяла лагерь под свой контроль, это ничем не помогло бывшим заключенным, которым приходилось обеспечивать себя самим. Те, кто выбирался за ограду, были шокированы масштабом разгрома, который был делом рук советских солдат.

Разочарование, которое постигло МакДауэлла в последние недели его пребывания в лагере, очевидно из записей в его дневнике от 6 мая 1945 года, когда он и его британские товарищи покидали место своего заключения: "Мы распрощались с *IVB* безо всяких сожалений, хотя раньше, во времена строгого порядка, мы подумывали о том, что когда-нибудь будем чувствовать грусть при расставании с лагерем. Все эти чувства были сметены разочарованием посленних двух недель, когда наши ребята занимались грабежом и превратились в сброд..."

Реакция МакДауелла на то, что происходило вслед за освобождением, не была типичной, и в то время как бывшие военнопленные испытывали недовольство от эксцессов, которые они видели вокруг, главным чувством, которое охватывало бывших узников, были радость и облегчение - они выжили! Хотя капеллан и возмущался грабежами, те, кто был занят поисками провианта в окрестностях лагерей, рассматривали свою добычу как законную компенсацию за все те лишения, которые они испытывали за колючей проволокой на протяжении нескольких лет. Во многих случаях бывшие заключенные занимались просто обменом с местными немцами, а брали только то, что плохо лежало...

Реакция освобожденных военнопленных на рядовых немцев была сложной. В большинстве случаев союзники относились к немцам с жалостью, особенно к старикам, женщинам и детям, которые пострадали больше всего из-за крушения Третьего Рейха. Сержант А. Дж. Ист (A. J. East), освобожденный из сектора *RAF* лагеря *Stalag IVB*, вспоминал, как британские капелланы, возглавляемые МакДауэллом, приводили в лагерь немецкие семьи из ближайших окрестностей, чтобы защитить их от изнасилований и погромов. Хотя некоторые и насмехались на капелланом, другие соглашались на том, что он поступил правильно. Макдауэлл писал: "У большинства из нас нет ненависти к немцам. Мы страдали под ними, что правда, то правда, некоторые немало пострадали, но мы быстро забываем об этом, когда другой человек повержен, и жалость приходит к нам незамедлительно..."

Даже бедственное положение некоторых бывших охранников вызывало жалость у бывших заключенных. Солдаты армий, освобождавших лагерь, были удивлены тем, что охранников часто защищали бывшие военнопленные. Боб Прауз (Bob Prouse) отозвался на положение, в котором оказались его бывшие охранники, так же, как и многие другие:

Мы начали собирать немецких пленных в ближайшей округе. Годами я мечтал об этом дне - дне отмщения, но когда я столкнулся лицом к лицу с первым же немцем, который сдался мне, все мои чувства заключались в том, что я испытывал сострадание, поскольку видел его дрожащие губы и руки. Я отвел его в лагерь, где мы создали временный сектор для военнопленных немцев, и даже дал ему сигарету и дал ему возможность показать мне фотографии его жены и детей.

Но эти эмоции соседствовали со взрывами презрения и насилия по отношению к бывшим охранникам. Рядовой Эдриан Винсент (Adrian Vincent), который находился за колючей проволокой с 1940 года, так прокомментировал то, как презрительно насмехались его товарищи над бывшими охранниками: "Когда я смотрел на них [своих], мне казалось, что я вижу на их лицах то же выражение, что было на лицах некоторых немцев, когда нас конвоировали через французские деревни в Германию".

Те охранники, которые в прошлом позволяли себе дурное обращение с военнопленными, могли рассчитывать на нечто подобное. Некоторых избивали или унижали, некоторых убивали. Джон Уайт (John White), который вынес марш из лагеря *Stalag VIII B*, вспоминал о судьбе одного охранника, которого прозвали Деревенским Парнем (Farmer's Boy) из-за его красных щек. Этот охранник застрелил британского солдата, который, сидя на обочине дороги, не сдвинулся с места после того, как была отдана команда маршировать дальше. Когда их освободил американский патруль, военнопленных спросили, было ли так, что с ними кто-то плохо обращался. "Мы сказали им, что одного из наших товарищей убили, - вспоминал Уайт, - и так подошел конец Деревенскому Парню, которого отвели в сторону и расстреляли".

В другом случае военнопленные сами взяли правосудие в свои руки. Штурман бомбардировщика Эдвард Стерлинг (Edward Stirling) бежал из плена в Чехословакии во время марша из лагеря *BAB 21*. Когда его поймали, он был избит охранниками и на короткий срок отправлен в концлагерь в Терезиенштадте, где ему пришлось выживать в адских условиях. Затем вместе с заключенными других национальностей он был

отконвоирован в неизвестный ему лагерь, и вновь ему пришлось вынести издевательства. Когда его колонна военнопленных была освобождена американцами, Стерлинг был полон решимости отомстить: "Мы и военнопленные-янки отобрали гауптмана и еще 11 мерзавцев-охранников, изрешетили их пулями и оставили валяться на том же самом месте. Мы предупреждали их, когда нас морили голодом и метелили, что мы доберемся до них. Так мы, в конце концов, и поступили..."

По страницам книги Адриана Джилберта POW. Allied Prisoners in Europe. 1939-1945.

Ранее публиковалось на сайте www.iremember.ru